

Е. В. Головки

МЕДНОВСКИХ АЛЕУТОВ ЯЗЫК

1.0. В лингвистической литературе на русском языке встречаются следующие названия: медновских алеутов язык (М.а.я.); язык алеутов острова Медный; медновский язык; медновский диалект алеутского языка. В работах, написанных по-английски, приняты названия *Mednij Aleut* и *Copper Island Aleut*. Носители М.а.я. называют свой язык алеутским, но это название по отношению к М.а.я. не используется в лингвистической литературе вообще и в настоящей статье в частности, чтобы не смешивать М.а.я. с диалектами алеутского языка (см. статью «Алеутский язык»), от которых он принципиально отличается.

2.0. До конца 1960-х гг. носители М.а.я. жили в с. Преображенское на о. Медный (один из двух Командорских островов, Российская Федерация), откуда были против своей воли переселены на о. Беринга (второй остров в группе Командорских островов), где в настоящее время живут в с. Никольское вместе с 5–7 носителями беринговского диалекта алеутского языка. Родной язык большинства жителей с. Никольское (общая численность населения ок. 1500 чел.), в том числе алеутов (ок. 300 чел.; все данные — на конец 1980-х гг.), — русский. В настоящее время М.а.я. находится на грани исчезновения: в конце 1980-х гг. оставалось не более 10–12 носителей этого языка.

3.0. М.а.я. относится к группе так называемых смешанных языков (*mixed languages*), хотя некоторые черты выделяют его и из этой весьма неоднородной группы. Смешанные языки принципиально отличаются от пиджинов и креольских языков. Как и пиджины и креольские языки, смешанные языки возникают в экстремальных ситуациях языковых контактов. В отличие от пиджинов и креольских языков, где вся лексика (с многочисленными сдвигами в значении) обычно берется из одного языка, доминирующего в социальном отношении, а грамматическая система развивается на собственной основе, смешанный язык как бы составляется из готовых частей уже существующих языков (обычно двух). Несколько огрубляя схему образования смешанных языков, можно сказать, что лексические морфемы берутся из языка А; все связанные морфемы, выражающие грамматические значения, — из языка Б; все несвязанные морфемы, выражающие грамматические значения, могут быть как из языка А, так и из языка Б; синтаксическая структура — в своих основных чертах такая же, как в языке А.

М.а.я. возник как результат интенсивных контактов нескольких алеутских диалектов и русского языка, вероятно, к концу XIX в. Остров Медный заселялся в течение всего XIX века. Среди переселенцев выделяются три основных группы. Самая маленькая состояла из русских промышленников. Следующая, самая большая группа, включала алеутов, которые были перевезены Российско-Американской компанией (РАК) с различных островов Алеутской гряды. Третья группа переселенцев, по численности немногим уступавшая алеутам, состояла из креолов — потомков от браков русских промышленников и алеутских женщин. Креолы имели особый социальный статус, закрепленный в актах РАК. По своему общественному положению они стояли выше алеутов, но ниже русских промышленников.

К концу XIX в. практически все алеуты в той или иной степени владели русским языком. В письменных источниках XIX — начала XX в. содержатся некоторые, впрочем

довольно туманные, указания на то, что родным языком большинства креолов, как и алеутов, был алеутский язык. Существует единственное, не вполне ясное упоминание мичмана Беклемишева (1884) о том, что алеуты о. Медный «говорят смешанным языком». Впрочем, эта фраза может указывать не на существование М.а.я., а на ситуацию постоянного переключения и смешения языковых кодов в условиях двуязычия. Ситуация двуязычия в данном случае сопровождалась тем, что большинство алеутов были грамотны как на родном алеутском языке, так и на русском — результат просветительской работы, которой руководил православный священник о. Иннокентий Вениаминов.

Высказывались две основных гипотезы относительно места возникновения М.а.я. Согласно первой из них, М.а.я. возник на о. Медный в конце XIX в. Вторая гипотеза предполагает, что М.а.я. появился на о. Атту (один из Алеутских о-вов, ближайший к Командорским), а позже, во время переселений, был привезен на о. Медный его носителями. В пользу второй гипотезы говорит то обстоятельство, что материнским (с алеутской стороны) для М.а.я. является именно диалект о. Атту (ныне исчезнувший). К источникам М.а.я. помимо аттуанского диалекта алеутского языка и русского языка определенно можно отнести и беринговский диалект, хотя его участие следует признать минимальным и, возможно, намного более поздним по времени.

Очевидно, важнейшей внутренней причиной появления М.а.я. было стремление определенной группы людей (вероятно, креолов) к самоидентификации, к выделению себя как особой этнической и социальной группы. Современные носители М.а.я. (так же, как и все бывшие жители о. Медный) считают себя алеутами, а свой язык алеутским, отрицая при этом взаимопонятность М.а.я. и беринговского алеутского диалекта. Возможно, заявления о невзаимопонятности всего лишь обнаруживают подчеркнутое стремление к самоидентификации в качестве самостоятельной этнической группы. Беринговские алеуты определяются носителями М.а.я. как другая, отдельная от них алеутская группа, имеющая свой язык и определенные культурные отличия. Одновременно носители М.а.я. не признают какого-либо сходства М.а.я. с русским. Необходимым (но не достаточным) условием для появления М.а.я. была высокая степень двуязычия, проявлявшаяся в переключении и смешении кодов. Наряду с естественным смешением языковых кодов важную роль могло сыграть сознательное смешение кодов (проявляющееся как языковая игра, например, в некоторых фольклорных жанрах у алеутов о. Беринга), по формальным параметрам отличающееся от естественного смешения кодов.

Честь открытия М.а.я. для лингвистики принадлежит Г. А. Меновшикову, который сделал первые записи во время лингвистической экспедиции 1963 г.

4.0. М.а.я. никогда не имел официальной письменности. Оригинальную систему записи для М.а.я. (на базе современного русского алфавита) изобрел один из его носителей, житель с. Никольское Г. М. Яковлев (не опубликована).

5.0.0. Лингвистическая характеристика.

Несмотря на то, что почти все без исключения части структуры М.а.я. могут быть легко идентифицированы с точки зрения их происхождения, М.а.я. представляет собой самостоятельную языковую структуру, не сводимую ни к одному из языков-источников «Типологическое расстояние» между алеутским и русским языками в М.а.я. преодолевается скорее в сторону алеутского, а не русского языка: фонологическая система представляет собой компромисс между алеутской и русской фонологическими системами, хотя и с большей долей алеутских черт; в морфологии, организованной по агглютинативному принципу, преобладание алеутских черт наиболее заметно; синтаксис представляет собой компромиссное сочетание алеутского и русского при несколько большем

процентном соотношении русских черт, но при этом М.а.я. сохраняет некоторые принципиально важные синтаксические механизмы алеутского языка. Однако важнейшим подтверждением типологической направленности от русского к алеутскому служит тот факт, что абсолютно все алеутские «составляющие», кроме фонологической системы, представлены в М.а.я. без искажений, в том же самом виде, в каком они существуют в алеутском языке, в то время как почти все русские по происхождению элементы в той или иной степени искажены или сильно упрощены. Это дает основания предположить, что «создателями» М.а.я. были люди, для которых алеутский язык был родным, а русский вторым языком. Однако следует допустить и теоретическую возможность того, что наблюдаемый в структуре М.а.я. некоторый «крен» в алеутскую сторону мог быть причиной позднейшей реэкспансии алеутского языка.

Все языковые уровни М.а.я. характеризуются очень высокой степенью вариативности и допускают свободный выбор одного из синонимичных вариантов, своего рода этимологических дублетов, сформированных на базе одного из языков-источников. При этом в М.а.я. есть некоторые «стержневые» участки системы, которые не подвержены вариативности

5.1.0. Фонологические сведения.

Гласные

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	и ии		у уу
Средний	е ее		о оо
Нижний		а аа	

Примечание. Удвоение обозначает долготу гласного.

Согласные

По способу образования	По месту образования						
	Лабиальные	Дентальные	Палатальные	Латеральные	Велярные	Увулярные	Фарингальные
Смычные	п б	т д	ч		к	к̟	
Щелевые	ф в		с з ш ж		х г	χ ɣ	
Носовые	м̥ ж̥	н̥ к̥			ŋ̥ ɲ̥		
Плавные		р	й̥ ѝ̥	л̥ л̥			

Значительную часть фонемного инвентаря составляют фонемы, близкие в алеутском и русском языках. Некоторые фонемы — так называемые глухие сонанты (в настоящее время сохранились только в речи самых пожилых носителей языка) и увулярные — специфичны для алеутского языка. Под влиянием русского языка в М.а.я. (в алеутских по происхождению словах) появились лабиальные: смычные *п*, *б* и фрикативные *ф* и *в*, причем *п* и *б* в алеутских словах возникли в результате перераспределения существовавшего в аттуанском диалекте билабиального *w*. В речи некоторых носителей противопоставление увулярных и велярных становится факультативным. Слова из русского языка, появившиеся в М.а.я. в позднейший период, сохраняют палатализацию, не свой-

ственную ни одному «чистому» диалекту алеутского языка. Вообще все слова, пришедшие в позднейший период из русского языка, практически не подвергаются фонетической адаптации. Поэтому таблицы фонем включает как алеутские «по происхождению» фонемы, так и русские. Так, все гласные среднего подъема — из русского языка. Однако долгота гласного (она «работает» для всех гласных) унаследована из алеутского языка. Те морфемы, которые имели долгие гласные в алеутском языке, сохраняют их в М.а.я. Это касается и ранних заимствований из русского языка в алеутский: в них динамическое ударение интерпретировалось как долгота.

Значительно упрощая ситуацию, можно сказать, что в рамках фонологического пространства М.а.я. сосуществуют две фонологические системы — алеутская и русская. В этом принципиальное отличие М.а.я. от многочисленных креольских языков, в которых складывается собственная фонологическая система. При этом надо иметь в виду, что представленная выше таблица фонем во многом условна и является попыткой отразить с одной стороны принципиальную способность к варьированию М.а.я. на всех уровнях, а с другой стороны — компромиссное сосуществование двух фонологических систем.

Ниже все русские по происхождению слова (кроме тех заимствованных слов, которые проникли во все диалекты алеутского языка на самом раннем этапе алеутско-русских контактов и подверглись полной фонетической адаптации), а иногда и морфемы, даются в стандартной русской орфографии, ср. ниже *его*, а не *иво*; *они*, а не *ани* и т. д. В них, в отличие от старых заимствований, русское динамическое ударение не трактуется как долгота, ср. ниже современное слово *проводах* 'провода', но *мамкан* 'моя мать' (старое заимствование).

5.1.1. Структура слога специально не исследовалась. Очевидно, что она имеет значительные отличия от структуры слога аттуанского диалекта алеутского языка: в корнях и суффиксах М.а.я., по сравнению с материнским диалектом, отмечено очень большое число метатез. Однако структура слога М.а.я. отличается и от структуры слога в русском языке.

5.1.2. М.а.я. унаследовал от алеутского языка агглютинативные принципы организации словоформы и минимальные морфонологические изменения на морфемных швах (см. статью «Алеутский язык»). Для предотвращения стечения гласных при присоединении к основе русских по происхождению словоизменительных показателей глагола (см. 5.2.2.) используется разделительный сонант *й*; однако в некоторых случаях допускается стечение гласных по типу, присущему русскому языку.

5.2.0. Морфология.

5.2.1. По технике соединения морфем М.а.я. является агглютинативным. М.а.я., так же как и алеутский язык, беспрефиксальный. Единственное исключение — показатель отрицания (от русской частицы *не*) в препозиции к глаголу.

5.2.2. Выделяются следующие части речи: имена, местоимения, глаголы, числительные, послелог, наречия, союзы, частицы, междометия.

Все грамматические категории и м е н и М.а.я. унаследовал из аттуанского диалекта алеутского языка. Имена изменяются по трем числам: ед. ч. *ахсину-х* 'девочка', дв. ч. *ахсину-х*; мн. ч. *ахсину-н*. В М.а.я., как и во всех алеутских диалектах, два падежа. По сравнению с алеутским языком, относительный падеж (ед. ч. *-м*; дв. ч. *-х*; мн. ч. *-н*) выполняет на одну функцию меньше — он только маркирует имя-посессор в посессивном сочетании (в М.а.я., как и в алеутском языке, нет класса прилагательных, и определительные отношения выражаются посессивным сочетанием двух имен; так же

оформляется сочетание имени и послелого): *собака-м 'итхи* 'хвост собаки'; *ангагина-н уаи* 'дома людей'; *ахсаага-м амайакна* 'заразная болезнь' (букв. 'плохая болезнь'); *ула-м 'аи* 'к дому'. В М.а.я. также представлен второй относительный падеж, показатель которого маркирует в трехчленном посессивном сочетании имя-посессор в том случае, когда оно одновременно является именем-обладаемым: *уухозам 'узу-ган илии* 'на всех ухозах (охотничье-промысловых участках)'. Абсолютный падеж (ед. ч. -х; дв. ч. -х; мн. ч. -н) маркирует имя в позиции подлежащего и прямого дополнения. М.а.я. имеет такую же, как в алеутском языке, систему посессивных показателей: *ахсину-н* 'моя дочь', *ахсину-ун* 'твоя дочь', *ахсину-у* 'его дочь' и т. д. Парадигма посессивных показателей унаследована из алеутского языка.

Все личные местоимения, которые могут занимать при глаголе-сказуемом позицию подлежащего (субъектные местоимения) и дополнения (объектные местоимения), по происхождению русские.

Субъектные местоимения могут употребляться в предложениях со сказуемым в настоящем, прошедшем и будущем временах, однако существует тенденция не употреблять их в настоящем и будущем времени, так как парадигмы финитного глагола в этих случаях позволяют различать лицо. В прошедшем времени, в котором глагольная парадигма не дифференцирует лица, личные местоимения употребляются всегда, если лицо не определено контекстом. М.а.я. сохранил алеутские (квази)рефлексивные маркеры для 3-го лица, ср. местоимение *тин* в примере: *айагаа тин ахсачал* 'его жена заболела'. Объектные местоимения алеутского языка для 1-го и 2-го лица, которые в алеутском языке также употребляются как рефлексивные, сохранились в М.а.я. В 3-м лице они могут факультативно замещаться русскими возвратными местоимениями: *маамкан куурун себя ачааали* 'к моей матери вернулось зрение'.

Личные и рефлексивные местоимения

	Субъектные		Объектные		Рефлексивные	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>я</i>	<i>мы</i>	<i>меня</i>	<i>нас</i>	<i>тин</i>	<i>тимас/тимис</i>
2 л.	<i>ты</i>	<i>вы</i>	<i>тебя</i>	<i>вас</i>	<i>тин</i>	<i>тичи</i>
3 л.	<i>он/она</i>	<i>они</i>	<i>его/ее</i>	<i>их</i>	<i>тин</i>	<i>тичи</i>

В позиции косвенного дополнения употребляются как алеутские, так и русские по происхождению формы местоимений, ср. *нун* 'мне' и *ему* в примерах: *провоколах нун каиий* 'проволоку мне согни'; *я ему еще ибйаал* 'я ему еще положил [еды]'.
 В М.а.я. могут факультативно использоваться русские притяжательные местоимения, которые дублируют значение притяжательных показателей: *иглуу у меня 'агал ман годах* 'внук-мой у меня вырос в этом году'; *у него кабии ангийгаиит* 'у него голова-его умная'. В отдельных случаях притяжательные местоимения не дублируются притяжательными показателями в имени: *у тебя ни бут чуаатъ кичитин* 'у тебя не хватит денег'.

Большинство вопросительных местоимений М.а.я. — из алеутского языка: *киин* 'кто'; *аху* 'что'; *ахутал* 'как'; *канан* 'сколько'; *канан* 'когда'; *акули* 'почему'; *акумаа* 'для чего'; *канану* 'где'. В текстах встречаются также русские по происхождению вопросительные слова: *когда*; *куда*; *который* и др. Вопросительные слова с одинаковым значением находятся в отношении свободного варьирования.

Указательные местоимения. В М.а.я. встречаются как алеутские, так и русские слова пространственной ориентации, ср.: *ица тайагух сисдхтаал* 'этот человек заблудился';

это мой аксинун 'это моя дочь'. Однако в абсолютном большинстве случаев предпочтение отдается алеутским указательным словам, при этом в основном сохранилась строго упорядоченная система пространственной ориентации, для которой релевантны признаки верх–низ, далеко–близко, видимый–невидимый и т. д.: *ман куганах чукуйааит*, *акан анунааит* 'этот камень маленький, а тот большой'. Так же, как в алеутском языке, в М.а.я. от основ с пространственной семантикой при помощи деривационной морфологии образуются глаголы: *укаа-за-* 'приходить/приезжать сюда'; *уаглаа-за-* 'приходить/приезжать сюда'; *маа-за-* 'приходить/приезжать сюда'. Указательные слова изменяются по лицам, присоединяя посессивные показатели.

В глаголе представлены обязательные (грамматические) категории лица-числа и времени-наклонения, которые передаются русскими по происхождению морфологическими показателями. В настоящем времени обе категории выражены синкретически. Прошедшее время маркируется показателем -л; в прошедшем времени мн. число имеет специальный маркер -и. Лицо в прошедшем времени передается личными местоимениями, которые или занимают позицию подлежащего или энклитически присоединяются к финитному глаголу. Грамматического рода в М.а.я. нет, однако русский по происхождению показатель женского рода -а может факультативно использоваться в глаголе (только если говорящий — женщина). Примеры: *аамгих йуу-ит* 'кровь течет' (наст. вр.); *укинах қичигаа-ит* 'нож острый' (наст. вр.); *қигнах угаа-л* 'костер погас' (прош. вр.); *я 'усугли-л-(а)* 'я чихнула' (прош. вр.); *чиганам ила мы ибагаа-л-и* 'в речке мы рыбу-удили' (прош. вр.).

Личные показатели глагола

	Настоящее время		Прошедшее время	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	-ю	-им	-л	-л-и
2 л.	-иш	-ити	-л	-л-и
3 л.	-ит	-ют	-л	-л-и

Будущее время в М.а.я. выражено аналитическим сочетанием, возникшим на базе соответствующего русского: вспомогательный глагол *буд-* (*бу-*), оформленный личными показателями, плюс инфинитив (-ть) основного глагола: *сунах буд-им* 'уши-ть 'пароход будем нагружать'; *ты бу-и тин угааа-ть* 'ты порежешься'.

В глаголе М.а.я. нет противопоставления по виду, подобного русскому. Однако глагол имеет аспектуальные характеристики, которые совпадают с соответствующими характеристиками глагола в алеутском языке. Все глагольные основы делятся на предельные и непредельные (диагностической является форма результата, которая образуется только от предельных основ).

Отрицание в финитном глаголе маркируется русской по происхождению частицей *ни*, которая находится в препозиции к глаголу и фактически является префиксом (в алеутском языке префиксов нет). Примеры: *ихний тааткани мацах ни ақтааа-л* 'их отец ничего не знал'; *велосипедах я тебе ни буду акиить* 'велосипед я тебе не куплю'. В зависимых глагольных формах алеутского происхождения, а также в «метеорологических» глаголах употребляется унаследованный из алеутского языка показатель отрицания -зула-: *саалу-зула-х* 'стоит ненастная погода'. Тот же показатель отрицания употребляется в именах: *ахсачхиза-зула-х* 'нехорошая бо-лезнь'.

Императивный показатель 2-го лица ед. числа *-й* можно интерпретировать как имеющий «двойную этимологию» — в алеутском и русском языках они совпадают. Показатель мн. числа *-ти* следует за показателем императива: *ни изатуу-й* 'не бойся'; *ни имахчи-й-ти* 'не кричите'. Для выражения повеления, приказа, просьбы в отношении 1-го и 3-го лиц используются русские по происхождению средства: *Давай ти талигатай* 'Давайте танцевать!'; *Пускай они хлибах акиют* 'Пусть они хлеба купят'. То же самое относится к выражению превентивного значения: *Смотри таапах ни кумаай!* 'Смотри воду не разлей!' (Глагол с алеутским корнем *укухтаай* 'смотри', существующий в М.а.я., не может быть использован в превентивной конструкции; с другой стороны, русское выражение *смотри не...* было интерпретировано в М.а.я. как грамматическое выражение превентива и не ассоциируется с основным лексическим значением глагола.) Для 1-го лица мн. числа существует также конкурирующий показатель *-чим*, происхождение которого не вполне ясно, однако можно предположить, что он образовался под влиянием соответствующего русского показателя (ср. *-м* в *пойде-м!*) на базе алеутского: *аааааааа-чим* 'давайте споем'.

М.а.я. унаследовал из русского языка некоторые модальные глаголы и предикативное отрицание: *я ни мог тин саганиить* 'я не мог заснуть'; *мне надо амун чхуузаать* 'мне надо белье стирать'; *браатам луйагии тин айаааааа а киуууууу еще нету* 'старший брат женился, а младший еще нет'.

В М.а.я. количественные числительные первого десятка алеутского и русского происхождения конкурируют друг с другом, ср.: *атахан* и *один*; *алах* и *два*; *канкун* и *три* и т. д. Все остальные количественные числительные — русского происхождения. Все порядковые числительные совпадают с соответствующими русскими.

Послелог *М.а.я.* — из алеутского языка. В сочетании с именем они следуют за именем в относительном падеже: *Мииднам ила* 'на о. Медном'; *айхаасим нага* 'на лодке'; *танам куга* 'на берегу'.

Все наречия — из русского языка: *вчера, сегодня, даже, каждый раз, потом, очень, немножко* и т. д. (в алеутском языке нет наречий). Некоторые обстоятельственные значения выражаются словами, которые, как и в алеутском языке, являются зависимыми глагольными формами, ср. примеры в конъюнктиве (действие, одновременное с другим): *ахтихталака* 'все время, безостановочно'; *игатал* 'быстро'.

Все союзы — русские по происхождению (в алеутском языке нет союзов, за исключением *ама* 'и' — только для связи двух имен).

Все частицы — из русского языка (*же, ведь, ну-ка* и др.).

В имеющихся материалах все междометия — из русского языка.

5.2.3. М.а.я. сохранил ту же систему именных словообразовательных суффиксальных морфем, которая представлена в алеутском языке, например: *ахсину-куча-н* 'моя маленькая дочь'; *ангагина-чхиза-х* 'хороший человек'; *ига-аси-х* 'крыло'; *ууучи-илузи-х* 'сиденье, стул'.

Вся словообразовательная морфология глагола (как от именных, так и от глагольных основ) унаследована из алеутского языка. Репертуар морфем несколько редуцирован по сравнению с алеутским языком. М.а.я. сохранил в неприкосновенности как синтаксически релевантные морфемы, так и словообразовательные морфемы, не затрагивающие синтаксическую структуру предложения. Примеры: *мешооких таху-зи-ит* 'мешок завязан' (*-зи-* — пассив); *я собака ха-хчи-ю* 'я собаку кормлю' (*-хчи-* — показатель пермиссивного каузатива); *боочких чуугу чхаа-саа-ит* 'бочка песка полна' (*-Дса-* -транзитиватор; *Д* обозначает обязательную долготу любого гласного, предшествующего данной

морфеме); *иглуу ни тута-қағи-й-ит* 'внук-мой не слушается' (-қағи- — детранзитиватор); *я раньше быстро аба-заа-л-а* 'я раньше быстро работала' (-за- — итератив); *кайуғи-қайаа-л* 'я устал' (букв. 'сильным перестал быть'; -қайа- 'перестать'); *сакуйау ига-хтаа-ит* 'птица летает' (-хта- — показатель результата); *он тааңау ағлу-лаа-ит* 'он воду вычерпывает' (-ла- — показатель дистрибутива); *қах чапчин тух-михтаа-ит* 'рыба леску дергает' (-михта- — показатель мультипликативного действия); *он аба қали-л* 'он работать начал' (-қали- 'начинать'); *қағладах аки-ту-ит сейчас* 'еда дорого стоит сейчас' (букв. 'цену имеет большую'; -ту- 'иметь много'); *я Ольга аса-хтаа-ю* 'меня зовут Ольга' (букв. 'я Ольга имя-имею'; -хта- 'иметь в качестве N')

5.3.0. Синтаксис.

5.3.1. В М.а.я., в отличие от алеутского языка, свободный порядок слов. Однако, если место прямого дополнения занимает местоимение, порядок слов, как и в алеутском языке, SOV. М.а.я. унаследовал от алеутского языка основополагающий принцип алеутского синтаксиса, в соответствии с которым в 3-м лице топик контролирует оформление конечного глагола-сказуемого. В М.а.я. этот механизм, правда, используется факкультативно. Пример: *цветки-ниң 'ула-л-а* 'цветы-мой расцвели'. Здесь вместо ожидаемого «русского» показателя глагола -л-и употреблен показатель прошедшего времени -л- в сочетании с факкультативным показателем женского рода -а (фраза произнесена женщиной). Однако фраза *цветки-ниң 'ула-л-и* 'цветы-мой расцвели', построенная по русской согласовательной модели, с точки зрения информантов также является абсолютно правильной, что свидетельствует о высокой степени вариативности в синтаксисе.

5.3.2. Сложные предложения строятся по русским моделям, ср. примеры: *я вчера абаал пока ни қахчакаал* 'я вчера работал, пока не стемнело'; *хоть ты и ануааиш но ты дикааиш* 'хоть ты и большой, но дурак'; *лаҳ его анағал и он қийақалиш* 'мальчик его ударил, и он заплакал'; *если бы ты пораньше укаағал ты бы его 'ақаасаа? укаануғ* 'если бы ты пораньше пришел, ты бы его застал здесь'; *сколько ты ни 'ааиш велосипедах я тебе ни буду акиит* 'сколько ты ни проси велосипед, я тебе не куплю [его]'; *они имахчи тунухтаали поэтому я ни мог тин сағаниит* 'они кричали, поэтому я не мог заснуть'. При этом в М.а.я. употребительны и некоторые алеутские по происхождению зависимые формы, ср. форму конъюнктива в последнем примере *имахчи-л тунухтаали* букв. 'крича разговаривали'. Ср. также условную форму на -гу *убла-гу-ун пускай 'аймис 'уйааит* 'как только проснется, пусть зайдет к нам'. Необходимо отметить, что вариативность, в очень высокой степени присущая М.а.я., особенно ярко проявляется в синтаксисе, ср. синонимичный вариант последнего примера *кал буит ублаат, пускай 'аймис 'уйааит*.

5.4.0. Анализ лексического состава М.а.я. лишний раз подтверждает его принципиальное отличие от большинства пиджинов и креольских языков и обоснованность его включения в особую группу смешанных языков. В целом большая часть лексики по происхождению алеутская, из аттуанского диалекта, но с многочисленными метатезами. Однако лексика неравномерно распределяется по частям речи. Абсолютное большинство глагольной лексики унаследовано из алеутского языка. Немногочисленные русские по происхождению глагольные корни совпадают с соответствующими русскими корнями, заимствованными алеутскими диалектами в XVIII–XIX вв. Процент существительных, унаследованных из русского языка, значительно выше, хотя и меньше половины. При этом довольно значительная часть именных корней также совпадает со старыми заимствованиями из русского языка в алеутские диалекты. Все остальные части речи в среднем представлены больше чем наполовину русскими по происхождению словами

При этом некоторые из частей речи (отсутствующие в алеутском языке) представлены только лексикой, пришедшей из русского языка. Можно допустить, что за последние 15-20 лет процент русской по происхождению лексики, используемой в М.а.я., значительно вырос на фоне доминирующего влияния русского языка и почти полного исчезновения М.а.я.

6.0. Диалектов в М.а.я. нет.

ЛИТЕРАТУРА

Вахтин Н. Б. Некоторые особенности русско-алеутского двуязычия на Командорских островах // ВЯ, 1985, № 5.

Головки Е. В. Материалы для изучения языка медновских алеутов. 1 // Лингвистические исследования. Проблематика взаимодействия языковых уровней. Л., 1988.

Головки Е. В. Материалы для изучения языка медновских алеутов. 2 // Лингвистические исследования: Структура языка и его эволюция. М., 1989.

Меновицков Г. А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // ВЯ, 1964, № 5.

Bakker P. 'A language of our own': the genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Metis. Univ. of Amsterdam. Ph.D. Diss. 1992.

Golovko E. A case of non-genetic development in the Arctic area: the contribution of Aleut and Russian to the formation of Copper Island Aleut // Language Contact in the Arctic: Northern Pidgins and Contact Languages / Ed. by E. H. Jahr and I. Broch. Berlin; N.Y., 1996.

Golovko E. Mednij Aleut or Copper Island Aleut: an Aleut Russian mixed language // Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Inter-twining (Studies in language and language use, 13) / Ed. by P. Bakker and M. Mous. Amsterdam, 1994.

Golovko E., Vakhtin N. Aleut in Contact: the CIA Enigma // Acta Linguistica Hafniensia: International Journal of Linguistics. Copenhagen, 1990, vol. 22.